

Олег Губарь

Путеводитель по пушкинской Одессе*

О вреде курения

В ту пору вояжеров из внутренних губерний приятно удивляло то, что в Одессе не запрещалось курение на улицах. Оно и понятно: дома каменные, деревянные тротуары тоже отсутствуют, нет угрозы возгорания. Курили даже в Городском театре, и лишь 12 января 1827-го опубликовано следующее официальное распоряжение: «Театральная дирекция сим извещает публику, что строго запрещается входить в театр с зажженными сигарками и курить табак как внутри театра, так равно в коридорах и буфете. Те, которые будут отклоняться от соблюдения сего распоряжения, установленно единственно для порядка и безопасности, навлекут себе неприятности».⁷⁹⁸

* Продолжение. Начало в кн. 64, 66-74

Дом Монтовани

Эта недвижимость – как бы в стороне от нашего маршрута. Однако непосредственно с ним связана, поскольку дает представления о материальных возможностях одного из содержателей Городского театра к тому времени, когда он завершил свою карьеру в данной отрасли.

Из записи в журнале заседания Строительного комитета от 27 января 1821 года видно, что одесский гражданин Иван Монтовани владеет домом на Греческом форштате, в VII квартале, место № 63, «по купчей крепости, совершенной в Херсонской палате гражданского суда», и что никаких претензий по поводу владения нет ни у Комитета, ни у частных лиц.⁷⁹⁹ Похоже, дом приобретен относительно недавно. Местоположение определяется без особого труда: примерно соответствует современной застройке по улице Садовой, № 17; в ту пору – неподалеку от главной гауптвахты, о которой говорилось выше.

Для чего Монтовани понадобился документ об отсутствии претензий? Дело в том, что его недвижимость была выбрана для заключения контракта о найме под певческую школу детей-сирот. В марте 1821-го доктор Стуббе освидетельствовал сооружение, «где ныне певческая школа», и нашел, что оно совершенно не годится: стены на глине из мягкого камня, сырость, дети болеют, почти все из 28-ми мальчиков обитают в одной комнате. По этой причине комиссару Сиропитательного дома титулярному советнику П.А. Заводовскому (Заводовскому) поручили приискать удовлетворяющее запросам здание со службами, и он договорился с Монтовани об аренде из расчета 1.800 рублей в год, двумя порциями.⁸⁰⁰ 28 марта Комитет постановил выдать первый транш, «когда сиротское заведение переведено будет в дом».⁸⁰¹

В итоге Комитет переиграл, и дом Монтовани на год, до 1 мая 1822 года, арендовали для *Одесского коммерческого суда*.⁸⁰² Коль мы коснулись этой важной институции, заметим: 15 июня 1820-го был заключен контракт с известным подрядчиком Федором Монако «о починке дому, состоящего в полицейском дворе, для помещения в нем Комерческого суда» на 1.600 рублей. Подрядчик

получил задаток, 500 рублей, и приступил к исполнению.⁸⁰³ Однако и тут что-то не сложилось. В журнале заседаний Строительно-го комитета от 25 мая 1822 года зафиксировано: из дома Монтовани Коммерческий суд переводят в казенный дом, доставшийся от г. Шостака, а сюда переводят типографию.⁸⁰⁴

Монтовани лишился этой своей недвижимости весной 1830-го. На удовлетворение поверенного барона Штиглица, коммерции советника Егора Гари, дом «с принадлежащими к нему строениями и землею», оцененный в 7.025 рублей ассигнациями (явно одноэтажный) и приносящий ежегодный доход 1.100 рублей ассигнациями, был выставлен на аукционную продажу в том же Одесском коммерческом суде. В объявлении о торгах, назначенных на 11, 12 и 13 марта, ошибочно указано место № 65 вместо № 63.⁸⁰⁵ Неточность очевидна, поскольку место № 65 в то время вообще не было застроено.

Впрочем, семейство не потерялось из поля зрения. Известно, что госпожа Монтовани продолжала заниматься изготовлением театрального платья, отдавала напрокат маскарадные костюмы и т. п. Семья арендовала сперва № 1 в Клубной гостинице при доме Рено, то есть в первом этаже,⁸⁰⁶ а затем помещение в верхнем этаже так называемого Дома градоначальника, по улице Ришельевской, № 2.⁸⁰⁷

Дома Савоини

Коль скоро мы оказались на улице Садовой, то есть смысл коснуться его истории, поскольку он в пушкинское время располагался по соседству, на углу этой улицы и Дворянской. О семействе Савоини мы говорили выше. В данном случае речь идет о наиболее известном его представителе, генерале от инфантерии *Еремее Яковлевиче Савоини* (1776-1836), участнике штурма Бендер, Хаджибея, Измаила. Будучи подпоручиком (произведен из прапорщиков во время взятия Измаила), он получил под застройку другое место еще в ходе первичной раздачи участков в августе-сентябре 1794-го,⁸⁰⁸ но позднее застроился на сказанном перекрестке, причем на первом этапе довольно скромно.

По тогдашней топографии это места № 66-67 в VII квартале Греческого форштата.

Когда в 1806-м боевой офицер просил Одесский строительный комитет о ссуде в 400 рублей, необходимой для окончания строения, то в залог представил уже существующую постройку, оцененную в 800 рублей.⁸⁰⁹ Деньги выдали под необременительные проценты на год,⁸¹⁰ однако этот долг он вернул лишь весной 1820-го. Никто не преследовал Савоини за столь долгую задержку, мало того, Ланжерон освободил должника от уплаты процентов, поскольку тот все годы находился в действующей армии, где показал себя умелым воином и храбрецом.⁸¹¹

Ранняя история Одессы тесно связана с Ладожским пехотным полком, который долго был в ней расквартирован. В составе этого соединения Савоини прошел множество военных кампаний, а с мая 1808-го им командовал. С 1807-го полк участвовал в боях с турецкими войсками, где Савоини особо отличился при штурме укреплений Бани и Тирку, захватил три вражеских знамени, 30 ноября 1811 награжден орденом Св. Георгия IV степени. В 1812-м Ладожский полк входил в состав 26-й пехотной дивизии 2-й западной армии, сражался под Смоленском. При Бородине, прикрывая батарею Раевского, Савоини был ранен в ногу и в руку, за отличие произведен в генерал-майоры и назначен командиром бригады. Отличился в боях при Красном, затем участвовал в штурме Модлинской крепости, в сражениях под Дрезденом и Лейпцигом. За мужество, храбрость и распорядительность при атаке Гамбурга был награжден орденом Св. Георгия III степени. После 1815-го командовал дивизиями, далее генерал-лейтенант (1825), командир 4-го пехотного корпуса, генерал от инфантерии (1833).

В 1824 году недвижимость генерала Савоини была уже не тем архаическим домиком, какой могли видеть современники Рিশелье: ее оценочная стоимость составляла 30.000 рублей, и она давала 3.000 рублей ежегодного дохода.⁸¹² Из плана Торичелли видно, что главное здание занимало более трети фасадного места по улице Садовой, с отступом от перекрестка. Обозначен также флигель (дом) квадратной формы в глубине двора, на границе мест № 66-67 по Дворянской улице: возможно, это и есть первичное строение. В настоящее время территорию главного

Еремей Яковлевич Савоини
Бумага, акварель. 1836 г.

здания занимает более поздний трехэтажный дом по улице Садовой, № 11. Указанные места, принадлежавшие Савоини, также застроены домами по Дворянской, № 9 и № 7. В ведомости на 1848-й год два дома и магазин на этих местах значатся за генеральшей Екатериной Еремеевной Теннер, дочерью Савоини, и оценены в 9.091 рубль серебром.⁸¹³

Недвижимостью также владел отец Савоини (ранее 1799-го) и двое из его братьев. Титулярный советник, полицейский частный пристав *Франц (Франческо) Яковлевич Савоини* построил дом в июне 1820-го на углу Ришельевской

(№ 33) и Успенской (№ 44) улиц.⁸¹⁴ Впоследствии он остался за его супругой Пелагеей, которая уже во время постройки развелась с Савоини и вышла замуж за служившего при Ланжероне надворного советника Павла Григорьевича Саражиновича.⁸¹⁵ Этот последний упоминается в записках Н.И. Греча и Ф.Ф. Вигеля, причем скорее негативно. Ссылаясь на Воронцова, Вигель называет Саражиновича глупым плутом. Насколько это соответствует действительности, сказать трудно. Могу здесь констатировать лишь то, что он был награжден орденами Св. Анны II степени и Св. Владимира IV степени. Весной 1824-го этот дом оценивался в 12.000, причем давал очень хороший доход – 1.500 рублей.⁸¹⁶ Ныне здесь солидное здание, построенное не ранее второй половины 1870-х.

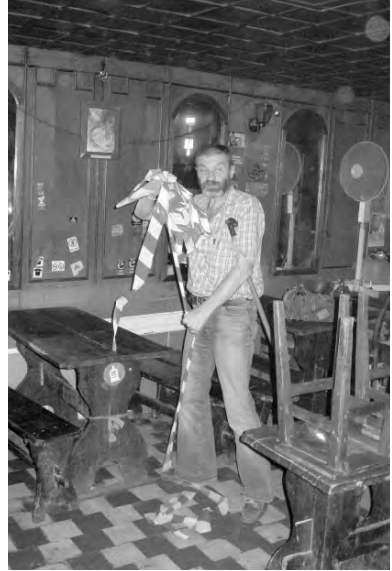
Примерно такой же недвижимостью, но где-то поблизости от брата-генерала, владел и *Григорий Яковлевич Савоини*, тоже титулярный советник, много лет прослуживший в губернском правлении и награжденный орденом Св. Анны III степени. Вполне вероятно, что он унаследовал отцовский дом. 27 сентября 1808-го

он обвенчался с дочерью Саратовского гарнизонного батальона подполковника Василия фон Мирбаха Евдокией при свидетелях надворном советнике Константине Андрияше и капитане Павле Лебеле.⁸¹⁷ Мирбах в ту пору квартировал в казенном доме на углу Александровского проспекта и Полицейской улицы, о чем см. ниже. При той же оценочной стоимости, что и дом Франца, 12.000, дом Григория синхронно давал только 700 рублей дохода: возможно, сдавался в аренду лишь частично.⁸¹⁸ После кончины Г.Я. Савоини в 1829-м его дом со службами сдавался Дворянской опекой в аренду.⁸¹⁹

Небезынтересно, что супругой генерала Савоини была дочь одесского негоцианта *Людвиги Даниловны Дункель* (Дюнкель, Данкель); умерла не ранее 1850-го. Ее брат Леопольд (Лев) Дункель, отставной поручик, в 1820-1822 годах состоял в масонской ложе «Понт Эвксинский». Знакомство Пушкина с братьями Савоини и Дункелем вполне вероятно.

* * *

В подверстку – еще один объект алкогольной топографии нынешней Одессы. Речь идет о былинной «Таверне», чрезвычайно колоритном питейном заведении, базировавшемся в глухом подвале дома по Садовой, № 9, бывшего Савоини. Сперва, в 1990-х, то был вполне преуспевающий молодежный (и не только) клуб, в котором довольно часто стихийно воспламенялись разгильдяйские литературно-музыкальные вечера. Позднее, в середине 2000-х, «Таверна» практически перешла на нелегальное положение: электричество отключили, легендарная барменша Лилия Витальевна запускала алкоголическую общественность с наступлением темноты. Обстановка и обслуживание поражали крайней неприязнительностью и простотой нравов. Засиживались далеко за полночь, тарахтели, музицировали, витийствовали. Памятны сольный гитарный концерт небезызвестного в ту пору Сэма Росовского, «байкодром» вечного сидельца Бормана, иронические искусствоведческие экскурсии Виталика Абрамова. Мы частенько устремлялись сюда по ночным улицам, под оплывающие свечи, согревались совместным пением, возлиянием,

то горькой, то сладкой застойною беседою. Формировалась иллюзия вневременья. Вероятно, как-то так же чувствовали себя полночные заседатели и в затертых 1820-х.

Биржа извозчиков

Но вернемся на хрестоматийный перекресток Дерибасовской и Ришельевской.

«Всем нам знакомы были два окна во втором этаже дома барона Рено, на углу Ришельевской улицы, из которых, по сложившейся уже легенде, высовывалась курчавая голова поэта, и кликал он для расплаты стоявших на этом углу биржевых извозчиков, которым оставался должен за езду во дни безденежья».⁸²⁰

Речь идет о перекрестке Дерибасовской и Ришельевской улиц, на котором в ту пору обосновалась биржа извозчиков. Согласно архивным данным, в 1824 году зарегистрировано: 85 дрожек, 108 бричек, 271 повозка, 37 биндюгов. Что до владельцев, то одни занимались извозным промыслом непосредственно, другие нанимали извозчиков. Случалось, владельцы специально занимались этим промыслом. Скажем, 37-ю биндюгами владели лишь 10 хозяев, а знакомый нам шляхтич Бржезовский – сразу тремя дрожками. Всякое гужевое транспортное средство еще со времен де Ришелье снабжалось официальным номером. За сам номер, то есть как бы лицензию, взималось: 25 рублей за грузовую повозку и 30 рублей за дрожки. Кроме того, в городскую казну уплачивалось по 2 рубля 50 копеек в полугодие с одесских граждан, а с иногородних и военнослужащих – по 4 рубля.⁸²¹ К февралю 1819-го выдано 217 повозочных и 53 дрожечных номера.⁸²²

5-8 рублей налога в год, 25-30 рублей за номер. Много это или мало? Судите сами. Сторожа при общественных зданиях тогда обыкновенно получали жалованье по три рубля в месяц. Наемному рабочему за довольно тяжелый подневный труд полагалось порядка 60 копеек, солдатам, поскольку они состояли на казенном довольствии, – вдвое меньше за ту же работу в день. Самые квалифицированные плотники и каменщики могли выработать

по 1 рублю 30 копеек – 1 рублю 50 копеек. Ведро водки отпускалось за 3 рубля 50 копеек. Съестные припасы были довольно дешевы: за те же 60 копеек можно было кормиться неделю, если, конечно, не пропитаться, «как извозчик», в тот же день. Можно констатировать, что местные извозчики были изначально избалованы высоким спросом.

Пушкин ездил не только по городу, но и далеко за город, прежде всего, по Малофонтанской дороге, вдоль которой располагались обширные приморские хутора Томаса Кобле, Льва Нарышкина (Россет, Арнольди), Антония Феогности, Жана Рено и др. В оба конца могло накручиваться 20 и более верст, то есть вояжи были довольно дорогостоящими. Как известно, бывал он и в Дальнике, у фон Тома. Вполне мог навещать знакомых, владевших хуторами на Водяной балке, Сухом лимане, за Пересыпью, на Жеваховой горе, в Татарке и проч. Можно даже примерно рассчитать время, затраченное на такие поездки, исходя из нормативов скорости, назначенных для извозчиков в том же 1824-м: осенью – 8 верст в час, летом – 10, зимой – 12. Почему назначено именно так? Потому что осенью – грязь, летом – пыль, зимой – наиболее устойчивое дорожное покрытие.

К.П. Зеленецкий: «Очевидцы сказывали нам, что иногда, в послеобеденное время, а иногда и в лунные ночи, Пушкин ездил за город, в двух верстах от него, на дачу, бывшую Рено, где открывается весь полукруг морского горизонта. Тогда это было дико поэтическое место уединения».⁸²³ Он же, со слов одесского извозчика Березы: «Был тут в графской канцелярии Пушкин. Чиновник, что ли. Бывало, больно задолжает, да всегда отдаст с процентами. Возил я его раз на хутор Рено. Следовало пять рублей; говорит: в другой раз отдам. Прошло с неделю. Выходит: вези на хутор Рено!.. Повез опять... Следовало уж десять рублей, а он и в этот раз не отдал. Возил я его и в третий, и опять в долг: нечего было делать; и рад бы не ехать, да нельзя: свиреп был, да и ходил с железной дубинкой. Прошла неделя, другая. Прихожу я к нему на квартиру. Жил он в клубном доме, во втором этаже. Вхожу в комнату: он брился. Я к нему. Ваше благородие, денег пожалуйста, и начал просить. Как ругнет он меня, да как бросится на меня с бритвой! Я бежать, давай, бог, ноги, чуть не зарезал. С той поры я так и бросил. Думаю себе: пропали деньги, и искать нечего, а уж больше не повезу. Только раз утром гляжу – тут же и наша биржа, – Пушкин растворил окно, зовет всех, кому должен... Прихожу и я: «На вот тебе по шести рублей за каждый раз, да смотри, вперед, не совайся!» – Да зачем же ездил он на хутор Рено? – «А бог его знает! Посидит, походит по берегу час, полтора, потом назад».⁸²⁴

Создается впечатление, будто извозчики изрядно зарабатывали. На самом деле все определялось условиями, которые они заключали с непосредственными владельцами гужевого транспорта. В свою очередь, доходы последних зависели от многих обстоятельств: стоимости лошадей, кормов, воды, транспортных средств, снаряжения и их ремонта с учетом безобразного состояния дорог, расходов на сооружение, аренду конюшен, их местоположения, спроса, конкуренции и т. д. Все это обходилось весьма дорого, поэтому и прибыли не могли быть чрезмерны.

Любопытную информацию можно почерпнуть в переписке Веры Федоровны Вяземской с супругом. 7 июля 1824-го княгиня сообщает мужу о происшествии, едва не обернувшимся

катастрофой. С находящегося на оползневой террасе приморского хутора она с детьми и служанкой поднималась в дрожках по довольно крутому участку склона. Понятно, что извозчик должен был гнать, иначе ему не удалось бы преодолеть этот участок. На крутом повороте два колеса провалились в зыбкую почву, но, слава Богу, обошлось без серьезных последствий. 4 августа – новое происшествие. Утром те же действующие лица собирались отправиться в церковь, для чего на кромке плато над террасой, где расположен хутор, уже ожидал извозчик. По какой-то причине, возможно, откола бровки лессового массива, лошадь свалилась с обрыва и погибла. Чтоб хоть как-то утешить горемычного извозчика, Вяземская сполна оплатила несостоявшуюся поездку.⁸²⁵ Так что поездки на хутора представляли немалую опасность как для перевозчика, так и для перевозимых. Откуда и солидная такса.

16 июня Вяземская сообщает мужу о стоимости годовой аренды пяти лошадей с упряжью и извозчиков – около 3.000 рублей. 11 июля княгиня прибавляет, что теоретически расходы можно сократить, если иметь собственных лошадей: покупка шестерки обойдется в 1.500 рублей; если они не понадобятся, можно сдавать их в аренду. В первом из этих писем Вера Федоровна говорит о содержании Гурьевыми и Воронцовыми по двадцати собственных лошадей – положение обязывает. Остальные в основном живут по-купечески, прибегая к аренде.

Екатерининская улица

Мы пересекали ее, следуя по Дерibasовской, описали угловой дом Калафати, однако эта улица достойна более пристального внимания.

Данный раздел может представлять двоякий интерес: 1) с точки зрения истории застройки одной из центральных улиц Одессы и ее состояния в пушкинское время; 2) здесь расположено несколько важных объектов, которые Пушкин посещал наверняка (почтовая контора) или, по крайней мере, осматривал (католический и греческий храмы).

Будущая Екатерининская улица начала застраиваться одной из первых, причем довольно плотно. Впрочем, постройки были в основном небольшими, занимали лишь часть фасада отведенных мест, то есть разобшались большими просветами, заборами. Самая значительная из них – так называемый дом главного начальника, двухэтажный, меж будущими улицами Ланжероновской и Дерибасовской. Позднее герцог Ришелье передал его коммерческой гимназии, впоследствии преобразованной сперва в Благородный институт, а затем в Ришельевский лицей. В процессе всех этих пертурбаций здание неоднократно достраивалось и перестраивалось. Но этот сюжет я уже излагал.

Немалый интерес представляет ранняя история застройки отдельных кварталов, в основном практически не исследованная, в частности, первых по обеим сторонам, второго по нечетной стороне квартала, где расположен католический храм, да и ряда других. На некоторых из этих моментов хочу сосредоточить внимание, в том числе на том, что тема взаимосвязана с дальнейшим устройством Приморского бульвара и соответствующей эволюцией его окрестностей.

Часть «военного городка»

Уже неоднократно сообщал здесь о том, что темп плановой застройки в историческом центре изрядно тормозился наличием «военного городка», занимавшего территорию нынешнего Приморского бульвара и его окрестностей, включая Екатерининскую площадь и первые кварталы одноименной улицы. Тут находились солдатские казармы, укрепления, офицерские флигеля, военный госпиталь, баня, пекарня, временная военная церковь, недостроенный Екатерининский храм и т. д. Некоторые из этих сооружений сохранялись до первой половины 1820-х, и были ликвидированы постепенно в процессе застройки бульвара. Несколько офицерских флигелей располагалось в пределах первого четного квартала Екатерининской со стороны площади, а потому первые частные постройки возникали на некотором удалении – это угол Ланжероновской и примыкающие к ней места.

Согласно генплану 1802-1803 годов, данного квартала еще нет как такового: разбивка сетки кварталов начинается лишь вверх от Ланжероновской. Он спланирован несколько лет спустя, и отвод мест под private домостроения по факту разворачивается в 1807-м. Большим подспорьем в изучении обстоятельств застройки первого квартала по четной стороне Екатерининской (LXVIII квартал, 1-я часть города, Военный форштат) может служить солидное архивное дело из фонда Одесского строительного комитета, охватывающее период с 1804-го по 1827 гг.⁸²⁶ Здесь фигурируют все лица, имеющие отношение к первичным отводам, застройке и эксплуатации недвижимости: греческие купцы Буба и Москули, полковник Парадовский, шляхтичи Якубовский и Чеполовский, небезызвестные инженер-полковник Потье и его супруга, урожденная Рувье. При этом осваивались места, свободные от казарм.

Резюмируем. 22 сентября 1804 года купец 1-й гильдии *Федор Москули* первым запросил, а 26 сентября получил место (№ 736) под застройку в этом квартале. Это место примерно соответствует строениям и двору по улице Екатерининской, № 8/10.⁸²⁷ Здесь проблем со строительством не возникало, поскольку территория как бы выходила за пределы «военного городка», лишь примыкала к нему. 24 июля 1823 года одесский 1-й гильдии купец *Иван Буба* сообщил Строительному комитету о покупке недвижимости Федора Москули – дома и земли, просил официально обмерить участок, что и сделал архитектор Боффо.⁸²⁸ 20 сентября 1824 года в Комитет обращается уже следующий фактический владелец, брат Ивана Бубы, нежинский грек *Анастасий Буба*, просит прибавить смежное пустопорожнее место для постройки магазина. Оценка принадлежащих ему строений составляет 44 тысячи рублей.⁸²⁹ Летом 1825-го ему прибавили пять саженой и 12 вершков.⁸³⁰ Из раскладочной ведомости на 1848 год видно, что купец Буба владеет домом и двумя магазинами по Екатерининской, оцененными в 9.000 рублей серебром.⁸³¹ В реестре на 1855 год отдельно фигурируют «четыре лавки и флигель братьев Бубы» с оценкой 16.000 рублей серебром и «дом Агая (Аггея? Аглаи? – О. Г.) Бубы» с оценкой 4.565 рублей серебром.⁸³²

Далеко не так гладко складывалась застройка других мест в том же квартале со стороны Екатерининской. Поскольку середина квартала, в пределах дворов нынешних домов № 2-6, была занята офицерскими флигелями (казармами) и конюшнями при оных, то застройщикам приходилось их обтекать, со скрипом вписываясь в ситуацию. Разборка казарм несколько раз откладывалась, в итоге затянулась на много лет. По этой причине даже в 1820-х годах застройка всего квартала по Екатерининской ограничивалась лишь торцами трех относительно небольших домов в пределах нынешних № 2, 8/10, 12.⁸³³

В числе примечательных фигурантов тут – полковник *Феликс Осипович Парадовский*, в сентябре 1807-го получивший под застройку места № 737, 738, 739, включавшие часть «военного городка», и в сентябре 1810-го построивший дом со службами на бывшем плацу. Наследница полковника *Роза Якубовская, урожденная Парадовская*, 20 сентября 1820 года сообщает Комитету, что «на оном плацу стоящие поныне в среди двора три казармы».⁸³⁴ В 1821-м Роза продала часть унаследованной недвижимости дворянину *Николаю Якубовскому*, а другую – помещику Подольской губернии Гайсинского повета *Чепелиовскому*.⁸³⁵ Ф.О. Парадовский – доблестный воин, дворянин Волынской губернии, награжден орденами Св. Георгия IV степени (1806), Св. Владимира III степени, Св. Анны II степени с алмазами, золотым оружием «За храбрость», секунд-майор Переяславского конно-егерского полка (1795), командир Мариупольского гусарского полка (1806), шеф Лифляндского драгунского полка (1810). Георгиевским кавалером стал за отличие в легендарном сражении при Шёнграбене, погиб в ходе кровопролитной битвы при Кацбахе (1813). Георгиевскими кавалерами были и его младшие братья, генерал-майор Александр Осипович (1837) и полковник Карл Осипович (1836).

Еще одна любопытная деталь. Ф.О. Парадовский задолжал Одесскому строительному комитету довольно крупную сумму. Судя по всему, он взял ссуду под домостроительство. Для погашения этого долга 31 марта 1813 года был заключен контракт о размещении в его доме офицерского лазарета, что логично по причине соседства военного госпиталя. Сам полковник в тот период

находился на театре военных действий. 13 октября того же года в счет погашения долга по этому контракту списали уже 1.525 рублей.⁸³⁶ Поскольку к наследнице Якубовской впоследствии не было никаких претензий, это означает, что контракт еще некоторое время продолжался, и долг был списан полностью. О другой недвижимости Парадовского упоминал в монографии по истории градостроительства.⁸³⁷

С неудобными «казарменными местами» № 738-739 продолжалась многолетняя чехарда. Сперва их по объективным причинам не мог застроить Парадовский, по тем же причинам ничего не сделал штаб-доктор *Яворский* (1816), затем генерал-лейтенант граф *Ламберт* (1817), и в декабре 1819-го их передали *коммерции советнице Рувье*. «А как на сих местах состоят старые казармы, то построение дома расположить таким образом, чтобы место отделено было от казармы и не делало помех казармам».⁸³⁸ В итоге 3 августа 1822-го об окончании постройки двухэтажного планового дома (проект *Франсуа Шааля*) рапортовала полковница *Клара Ивановна Потье, урожденная Рувье*,⁸³⁹ то есть дочь знаменитого предпринимателя-овцевода *Гильома Рувье* (1756-1815), супруга *Шарля (Карла Ивановича) Потье* (1785-1855). До 9 (21) сентября 1824 года Потье был директором 1-го отделения IV округа Управления путей сообщения, а с этого момента – членом Совета управления,⁸⁴⁰ чрезвычайно значимой фигурой в Одесском строительном комитете, обладавшей немалыми полномочиями и ресурсами.

Как выясняется из архивных документов, в ходе строительства дома госпожа Потье сумела добыть разрешение на снос конюшен при трех офицерских флигелях (которые на 12 (24) ноября 1824 года по-прежнему остаются на своих местах), тем самым обретая выгодный стартовый плацдарм в ущерб Якубовскому и Чепелиовскому.⁸⁴¹ То есть выходило так, что владельцы бывшего участка Парадовского заведомо поставлены в неравные условия. В 1825-м Якубовскому, Чепелиовскому и Бубе прибавили земли, однако разбирательство продолжалось и далее, по крайней мере до конца 1827 года.⁸⁴² Оценочная стоимость домов Потье и Якубовского весной 1824-го – соответственно 30.000 и 5.000 рублей,⁸⁴³ то есть второй, бывший дом Парадовского, явно одноэтажный.

Дом Прокопеуса и соседи

О недвижимости Врето и Греческого училища, на углу Екатерининской и Дерибасовской улиц, говорится в другом разделе. Теперь перенесемся на противоположный угол – перекресток Екатерининской, № 23, и Греческой, № 32. Дом Прокопеуса.

Фамилия Прокопеус оригинальным маневром закрепилась как бы на обочине истории Одессы. Я говорю о патриархальном доме этого семейства, именуемом в народе «Два Карла». Одесситы со стажем прекрасно знают, о чем идет речь: о некогда популярном подвале-распивочной на углу улиц Карла Маркса и Карла Либкнехта – о «двух Карлах», место встречи которых, в самом деле, неизменно. Ныне это поистине легендарное заведение представляет весьма изящная одноименная «бодега» с неброским уместным дизайном и музеефикацией старинной кладки.

Если чуть серьезнее, у меня скопилось довольно много материалов, каковые, пожалуй, потянули бы на хорошую научную статью, но это не всегда удачный жанр. Потребитель тонет, захлебывается в ворохе начетнической информации, не получая впечатления ни о людях, ни об эпохе. Подобные тексты нередко означают демонстрацию снобистского знания мелочей. Да я и сам, признаюсь, не безгрешен. Но хотя бы пытаюсь отыскать какой-то иной путь.

Что я знаю и могу рассказать о патриархе семейства Прокопеусов, кроме того, что он был отставным поручиком, то есть, как и многие его соотечественники, послужившим единой России на поле брани с общим давним врагом? Если говорить о вещах формальных, Иван Николаевич построил не только один из первых домов (старейший из документально датированных сохранившихся), но и один из лучших в ту пору. Двухэтажные здания – частные и казенные – во второй половине 1790-х годов можно было по пальцам перечислить. Прокопеус вышел в отставку и обосновался в Одессе в 1795-м, и 5 сентября инженерная команда задним числом отвела ему под домостроительство просторное и удачно расположенное место на углу будущих улиц Екатерининской и Греческой, хотя реально он приступил к застройке еще 7 июля. В отличие от многих других боевых офицеров,

он явно располагал средствами, поскольку застроился уже в 1796-м.⁸⁴⁴ К слову, ему передали место, отведенное годом ранее другому поручику-греку, отличившемуся при штурме Измаила, Калимери,⁸⁴⁵ тоже представителю военного семейства, который так и не сумел застроиться.

Что касается И.Н. Прокопеуса как личности, создается впечатление, что он был довольно тяжелым, неуживчивым господином. Мне многократно приходилось знакомиться с архивными документами, запечатлевшими взаимные жалобы, пререкания, обвинения, притязания, сутяжничество и т. п., но ни один из интересных мне фигурантов не был замешан в таком катастрофическом количестве скандалов и разбирательств. Младенчество Одессы оглашено буквально вопиющими наименованиями архивных дел: «По прошению словесных судей Дмитрия Горголи, Майорки Эльмановича, ратмана Христодула Тарабути о причиненной им поручиком Прокопиусом ругательством тяжкой обиды» (1796); «По прошению бургомистра Леондари Бердона о причиненной ему поручиком Прокопеусом обиде» (1798); «По докладу секретаря (магистрата. – О. Г.) Николая Мунтянова на поручика Прокопеуса по данному обвинению сим каких-то его, Мунтянова, взяток» (1798-1799); «О действиях по прошению именующегося г. Одессы депутатом отставного поручика Прокопеуса» (1799).

Впрочем, скандальные эскапады отставного поручика, его постоянные нападки на тогдашних муниципальных деятелей могли быть отчасти небезосновательными – порядок тогда и в самом деле оставлял желать лучшего, однако анархия царила в основном вовсе не от бездеятельности магистрата. Примечательно, что ругался Прокопеус почти исключительно со своими соотечественниками. Напористость его явно произвела впечатление на окружающих, и на магистратских выборах 1799-го «стая друзей» выбрала его «счетчиком», то есть членом счетной комиссии. В 1800-м он даже состоял городским синдиком. Преуспев в муниципальной грызне, Иван Николаевич завел склоку с соседкой – вдовою одесского купца Спирио Марино Василикою Марино, опять-таки гречанкою (между прочим, их дочь Феодора вступила в брак с известным Н.С. Палаузовым). Скромный дом Василики занимал короткое срединное место в квартале меж Греческой

и Дерибасовской. Прокопеус пробил окна во вдовый двор, да еще стал жаловаться, что хозяйка загородила их стеною (1815).

Эта тяжба в мельчайших подробностях отражена в архивных бумагах. По ходу задокументированной катавасии обнаруживаются интереснейшие подробности, касающиеся строительства и обустройства как дома Прокопеуса, так и соседних. Мы узнаем, например, что постройка интересующего нас дома начата 7 июля 1795-го, явно по словесному дозволению начальства, а официально место отведено 5 сентября. Из этого же архивного дела следует, что дом Прокопеуса в 1815 году оценивается более чем в 100.000 рублей ассигнациями. Выясняется также, что угловое место в этом квартале со стороны Дерибасовской изначально (но уже через год после того, как Прокопеус частично или полностью застроился) занято было тогдашним полицмейстером Кирьяковым, который выстроил на нем несколько маленьких, не по плану возведенных лавчонок. Затем Кирьяков продал их коллежскому асессору Врето за 800 рублей. А в 1802-м половину этого места, примыкающего к дому Прокопеуса, то есть середину квартала по Екатерининской, заняли грек Спиро Марино с женою Василикою. С ними и началась баталия по-соседски, причем отставной поручик требовал разломать принадлежавшее семейству Марино «худое строение», а место отдать ему для построения планового дома. Если же сама Василика возьмется за такую постройку, то определить на то срок в один год.

Еще любопытнейший фрагмент прошения Прокопеуса: «Есть много, подобно моему, выстроенных (домов. – О. Г.) в то время, когда еще в округе было пусто, а именно: Кленова, Портнова и прочих, при сем представляя моему дому план, который хотя и на плане, но, по не окончанию строения, донныне не означены: в земле три погребя, грубы со сводами и тротуар выстроенный». В другом прошении он повествует о том, как в 1811 году на свой кошт через подрядчика Натансона устраивал тротуар во всем квартале. По итогам разбора тяжбы при участии архитектора Фраполли и военного инженера Круга выяснилось, что Врето должен уступить Василике Марино небольшую часть своего места, после чего она должна отодвинуться на такую же дистанцию от Прокопеуса, и в промежутке можно будет устроить сток

для воды. При этом сделано следующее небезынтересное замечание: «Известно, что место Врета с давних времен не застроено по плану, а что на нем построено – безобразит улицу: посему давно было намерение Комитета отобрать место у Врета, но сделано ему уважение на некоторое время».⁸⁴⁶

Содержащаяся в цитируемом архивном деле информация дублируется в журналах заседаний Одесского строительного комитета, то есть мы имеем несколько независимых источников.⁸⁴⁷ Все это в совокупности дает право говорить о том, что дом Прокопеуса старейший из сохранившихся в Одессе на сегодняшний день. Примечательно и то, что угловой подвал на протяжении всей истории здания сохраняет функцию винного погреба.

Авторитетный историк градостроительства В.А. Чернецкий считал, что наследовавшие отставному поручику Ивану Прокопеусу офицеры – Ксенофонт, Спиридон и Николай – его братья. Владимир Адамович ошибался: на самом деле – сыновья.⁸⁴⁸ Ошибался он и насчет дома Врета, утверждая, что этот «крупный негодичант» в 1796 году «построил двухэтажный дом, в котором весь первый этаж был отведен под магазины».⁸⁴⁹ Как четко видно из архивных документов, таковой дом не был построен даже 20 лет спустя.

Что до младших Прокопеусов, родились они еще до поселения отца в Одессе, и все эти годы находились в российской военной службе. К сожалению, я пока не много знаю об их воинской карьере. Ксенофонт и Спиридон Ивановичи оба вышли в отставку подполковниками, оба принимали участие в войне 1812 года в чине подпоручика и капитана соответственно, первый награжден серебряной медалью за эту кампанию (1813) как принимавший участие в боевых действиях. Оба служили в Крымском (старом, сформированном в 1803-м, расформированном в 1834-м) пехотном полку. Известно, что в середине 1810-х Спиридон Иванович служил плац-майором крепости Измаил и, состоя в этой должности, 9 мая 1816 года вместе с упоминавшейся выше М.Э. Попандопуло был восприемником при крещении будущего контр-адмирала Н.С. Милоноса в тамошней Свято-Николаевской церкви.

Судя по всему, Ксенофонт Иванович (1789-1846) был средним из трех сыновей И.Н. Прокопеуса. Вместе со старшим, Спиридо-

ном, они сперва наезжали в Одессу, а затем и обосновались в городе. Их мать София ушла из жизни 15 мая 1824-го в возрасте 70-ти лет,⁸⁵⁰ кончина Ивана Николаевича в сохранившихся метрических книгах Греческой церкви не фиксируется. У этой четы был еще поздний ребенок, сын Димитрий, но прожил он недолго (1801-1803).⁸⁵¹ Родительский дом в 1824-м числился за Спиридоном,⁸⁵² а позднее за братьями Прокопеус,⁸⁵³ то есть за ним и Николаем Ивановичем. Что до Ксенофонта, он взял дом в приданое за невестой, «Екатериною Павловою дочерью Глазovou». Так русифицировали ее фамилию и отчество чиновники, тогда как на самом деле она Екатерина Пановна Лазо (1803-1864), «дочь греческого архонта».⁸⁵⁴

Что может означать древнегреческий термин *архонт* в то время? Практика показывает, что этим подчеркивалось благородство носителя фамилии. «Греческое дворянство», по существовавшим в России правилам, устанавливалось на основе определенного числа свидетельских показаний (заметим в скобках, что героя гражданской войны Сергея Лазо обычно считают молдаванином, тогда как он, очевидно, из старинного греческого рода: Янакий Лазо официально внесен в дворянскую книгу Бессарабии в 1835 году).

С другой стороны, нельзя отметить формальное прочтение – чиновник. И действительно, 27 мая 1806 года Строительный комитет выдал коллежскому секретарю Лазову ссуду в 2.000 рублей на домостроительство.⁸⁵⁵ Тут как будто все сходится: место, полученное Е.П. Лазо в приданое и расположенное по Екатерининской улице, прямо напротив дома Прокопеуса, куплено со строениями еще в 1800 году. Очень возможно, что новый владелец серьезно занялся их реконструкцией, на что и понадобились немалые средства. Что до самого Лазова, то он, уже в чине титулярного советника, продолжал владеть другим доходным домом, по крайней мере в 1823-1824 годах.

Как бы то ни было, этот дом Ксенофонта и Екатерины, хоть и в один этаж, был не так уж плох, в пушкинское время оценивался в 30.000 рублей и давал 4.000 ежегодной прибыли⁸⁵⁶ – один из самых высоких показателей доходности в тот период. Это сегодня «подъем» в 13 с копейками процентов годовых считается

смехотворным, а тогда был очень хорош. Двухэтажные хоромы Спиридона Ивановича оценивались вдвое – 60.000, и тоже приносили приличный доход – 7.000 рублей,⁸⁵⁷ однако прибыльность, как видим, несколько ниже. Тем не менее средний сын и его половина не остановились на достигнутом: еще 23 ноября 1820 года Строительный комитет утверждает новый «план дому подполковницы Екатерины Прокопеусовой».⁸⁵⁸

Как принято говорить, скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Устройство нового дома развернулось лишь ближе к концу 1820-х. И только 22 марта 1830 года Ксенофонт подал в Одесский строительный комитет следующее прошение: «На месте мне принадлежащем (...) бывшую старую и совершенно ветхую постройку я совершенно разломал до основания. А на месте оной выстроил дом в два этажа по плану Комитетом утвержденному. А посему покорнейше прошу на спокойное оным владение выдать открытый лист на имя мое, жены и детей моих». Детей к тому времени было как минимум трое: Иван (1818), Елисавета (1821) и Елена (1828). Постройку освидетельствовал Боффо и дал положительное заключение.⁸⁵⁹ Сказанный дом в общих чертах сохранился по сегодняшний день по адресу улица Екатерининская, 20. Просто какой-то позитивный прецедент: оба старинных дома Прокопеусов, да еще в таком лакомом для нынешних беспощадных застройщиков (санитаров историко-архитектурной среды!) месте, жив. Чудо, да и только.

В отличие от папы, Ксенофонт Иванович в скандалах не замечен, хотя я зафиксировал одну его цивилизованную жалобу на соседа по улице Греческой, купца Василия Печенева (еще в 1805 торговал канцтоварами и другими полезными мелочами, включая гвозди), который застраивает смежное дворовое место без согласования с Прокопеусом.⁸⁶⁰ А в остальном отставной подполковник – образец подлинного городского гражданства: состоял в Греческой вспомогательной комиссии (1823-1826), более двух десятилетий – в Приказе общественного призрения (с 1826-го), в том числе член правления и кассир этого приказа, в Попечительском комитете о тюрьмах, был очень деятельным членом комиссии по устройству Дома призрения нищих на Старом городском кладбище, попечителем Городской больницы, жертвовал

деньги на это человеколюбивое заведение, был близок с муниципальным деятелем Иосифом Балюховым, старожилыми (вероятно, приятелями отца) отставным подпоручиком Андреем Трано и купцом Антонием Феогности. В 1830 году его общественная деятельность отмечена орденом Св. Владимира IV степени, а в 1833-м – орденом Св. Станислава III степени. К.И. Прокопеус владел еще и лавкой в Щепном ряду, которую, естественно, сдавал в аренду.

Спиридон Иванович, может быть, менее ярок на общественном поприще. Во всяком случае, совместно с такими видными представителями греческой общины, как Иван Амвросио и Александр Кумбари, он добивался решения о строительстве нового храма на Александровской площади, был избран одним из попечителей (1820), а 20 августа 1822 года принимал участие в церемонии закладки. Правда, обстоятельства сложились так, что дальше фундамента дело не пошло, но в этом нет его вины. Храм этот, по свидетельству достойного доверия историка К.Н. Смольянинова, планировали строить еще в марте 1803 года, но и тогда дело забуксовало.

С этим старшим сыном беспокойного старожилы приключилась другая настораживающая история. Я никак не могу разобраться с количеством последовательных браков Спиридона Прокопеуса, хотя синхронная высокая смертность объясняет довольно значительное число повторных браков во всех этнических общинах без исключения. К сожалению, не располагаю метрической записью о его кончине, а потому не могу с точностью определить возраст. Однако можно с большой уверенностью предположить, что он несколькими годами старше Ксенофонта, то есть родился примерно около середины 1780-х.

11 апреля 1819 года в метрических книгах греческой церкви Святой Троицы отмечено крещение Катерины, дочери отставного подполковника Спиридона Прокопеуса и его жены Елены. Далее, 3 июня 1820-го, зафиксировано крещение, а 10 марта 1821 года смерть сына Спиридона и Елены, Константина. Параллельно есть запись о крещении 15 февраля 1820 года «младенцы Евдокии», дочери подполковника Спиридона Прокопеуса и его жены Анастасии. Другая его супруга, Екатерина, умерла 20 марта 1828 года в возрасте 35-ти лет, фиксируется крещение совместной дочери

Аспасии (1825). Далее появляется следующая жена, Замфира, от которой родилась дочь Надежда, крещенная 17 января 1831 года. Есть запись о смерти Замфиры от 30 декабря 1853 года в возрасте 50 лет, где четко прописано, чья она супруга, причем Спиридон Иванович в это время еще жив.

Что же тут не сходится? Пожалуй, лишь параллельное наличие двух жен. Правда, запись о смерти незамужней дочери Екатерины Спиридоновны от 1 марта 1853 года определяет ее возраст в 28 лет, но тогда она родилась не в 1819-м, а в середине 1820-х. Так или иначе, а этот Прокопеус пережил как минимум трех жен, и все они были значительно моложе его. Не подумайте, будто я на что-то намекаю. Может, просто жизнь у них была тяжелая. К сожалению, не все метрические книги до нас дошли, а потому мы не знаем, когда именно упокоился с миром этот привлекательный персонаж с путаной биографией.

Николай Иванович Прокопеус – третий из братьев и тоже отставной подполковник – записан восприемником при крещении Аспасии, дочери Спиридона и Катерины, 25 июля 1825 года. В это время он значится капитаном, то есть еще состоит в воинской службе. В отставку он вышел подполковником в начале 1830-х годов, и 19 августа 1834-го сочетался браком с Ангеликой Паппа, дочерью турецко-подданного Афанасия Дмитриевича Паппа (Папа-Никола?). Чтобы сразу покончить с бухгалтерской генеалогией, докладываю: Ангелика ушла из жизни 17 августа 1866 года в возрасте 50 лет, пережив своего далеко не молодого мужа.

Из имеющихся данных видно, что отцовским домом Николай владел совместно со Спиридоном Ивановичем, и после женитьбы на Ангелике ему надо было как-то обустроиваться отдельно. С этой целью он в 1835 году приобрел три места в Базарном переулке, меж Успенской и Базарной улицами (нынешние номера 1-5 по переулку Ониловой). Для компенсации трат Прокопеусу пришлось продать доставшийся при разделе наследства водочный завод близ Водяной балки, реализация продукции которого, разумеется, контролировалась питейным откупом.

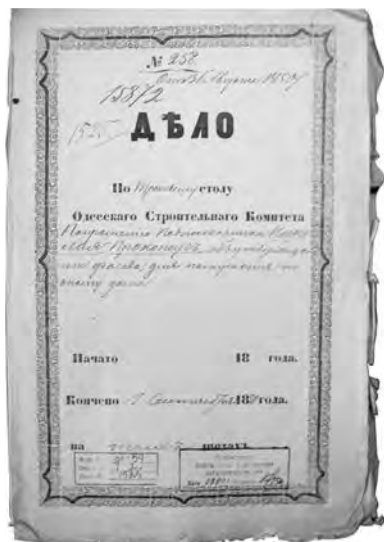
Довольно долго Николай Иванович пользовался существовавшими в сказанном переулке старыми постройками, оцененными в конце 1840-х лишь в 1.200 рублей. И только 31 августа 1850 года

обратился в Строительный комитет с просьбой об утверждении фасада дома, который он собирался возвести на купленных местах.⁸⁶¹ Этот эпизод и представляет публикуемый здесь архивный документ.

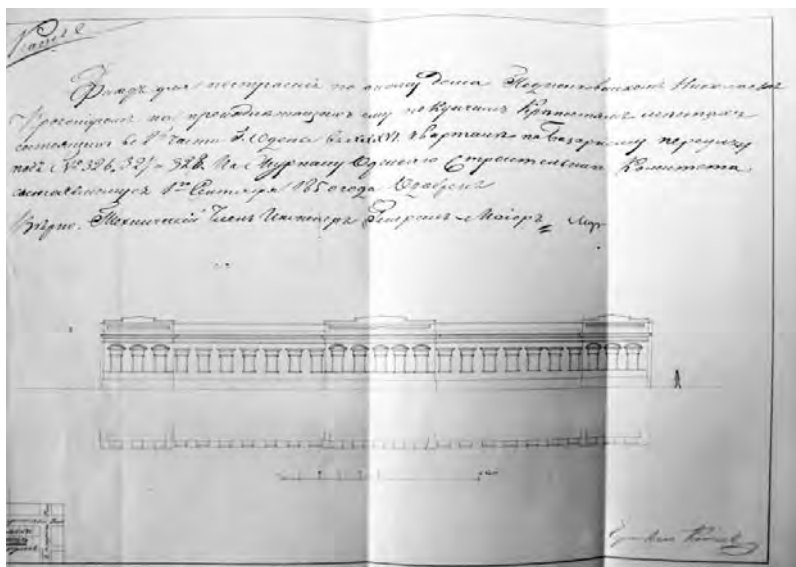
Но вернемся к более интересным объектам – домам братьев Прокопеус на перекрестке Греческой и Екатерининской улиц. Дом, построенный Ксенофонтом в конце 1820-х, оценивался выше патриархального. В том и другом в разное время размещались самые разнообразные заведения и офисы, прежде всего, алкогольной направленности. Так, на протяжении десятилетий здесь квартировал один из «главных

винных погребов» – Кулена,⁸⁶² затем Левиди,⁸⁶³ Похиопуло,⁸⁶⁴ где реализовывались французские, греческие, итальянские, испанские «дары лоз», позднее «донское шипучее»,⁸⁶⁵ «аккерманские вина». Ранее, в пушкинское время, в обоих домах, по архивным данным, находились ренсковые погреба: одесского 3-й гильдии купца Якова Оберта, 1-й гильдии – Христофора Велары и турецкого подданного Харламби – возможно, известного впоследствии благотворителя В.М. Харламова, а также кофейня одесского мещанина Юрия Синадино, представителя другой известной впоследствии фамилии.⁸⁶⁶

В лавке откупщика городских мер и весов купеческого сына Федора Волохова при доме Ксенофонта Прокопеуса отдавались в пользование эталонные меры для измерения жидкостей. Это была специальная тара из красной меди, сделанная на заказ специально ангажированными мастерами-медниками и клейменная в городской управе, размерностью в ведро, четверть, штоф,

Титульный лист дела из фонда Строительного комитета об утверждении фасада на постройку дома подполковника Николая Прокопеуса

Фасад на построение дома подполковника Николая Прокопеуса по Базарному переулку
1 сентября 1850 г.

полуштоф и т. д., находившаяся в ведении уманского мещанина Бенъмина Ходаркова.⁸⁶⁷ Позднее, в середине 1850-х, сюда переехала с Нового базара торговля винами выдающегося швейцарского винодела Шарля Тардана, после смерти которого (1856) бизнес взяла в свои руки его супруга.⁸⁶⁸ В разные годы в этих зданиях помещались аптеки Дураццо,⁸⁶⁹ Волохова,⁸⁷⁰ Цорна,⁸⁷¹ салон белошвейки Саламбье,⁸⁷² литография Францова,⁸⁷³ ресторация «Америка»⁸⁷⁴ и др.

Дом Ксенофонта унаследовал его сын, Иван, служивший в канцелярии одесского военного губернатора. 16 февраля 1840 года он сочетался браком с почти ровесницей, представительницей другого семейства греческих старожил, 20-летней Пагоной Илиевной Манес, дочерью купца 2-й гильдии, домовладельца Греческого базара, причем одним из свидетелей на церемонии записан известный архитектор Иван Савельевич Козлов.

Время размыло не только капиталы трех подполковников Прокопеусов и их наследников, но даже саму память об этом семействе. Уже в первой половине 1870-х за ними не осталось ни одного из упоминавшихся домов. Скажем, дом Ивана Ксенофонтовича перешел к греческому семейству Халпакчи (или Калпакчи; это семейство перебралось в Одессу из Мариуполя относительно поздно), а он скончался на даче своего друга Михаила Иосифовича Балюхова (Балихова) за мысом Большой Фонтан: как я говорил, всю жизнь были близки и их отцы. Впрочем, экзотическая, непривычная на слух нынешним одесситам фамилия непредсказуемым образом опосредованно зацепилась за народный ономим «Два Карла».

И еще одна мелочь. Лет 20 назад мы с моим большим другом Михаилом Пойзнером в очередной раз внимательно осматривали дом отставного поручика Ивана Прокопеуса, бродили по двору, фотографировали. Наш интерес заметил некий немолодой человек, и предложил зайти к нему. Вход в квартиру находился со стороны Екатерининской, где теперь ресторан. В коридоре хозяин продемонстрировал нам укрепленный на стене знак 1-го российского страхового общества, учрежденного в 1827 году. То есть Спиридон Иванович Прокопеус надежно застраховал свое имущество. Но настолько ли надежно, чтобы сохранить его от произвола сегодняшних застройщиков?

Примечания

⁷⁹⁸ Одесский вестник. – 1827, 12 января, № 3.

⁷⁹⁹ ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 279, л. 38 об. – 39.

⁸⁰⁰ Там же, л. 185-186.

⁸⁰¹ Там же, л. 195.

⁸⁰² Там же, д. 281, л. 400.

⁸⁰³ Там же, д. 277, л. 567.

⁸⁰⁴ Там же, д. 281, л. 400.

⁸⁰⁵ Одесский вестник. – 1830, 1 февраля, № 10.

⁸⁰⁶ Одесский вестник. – 1830, 25 января, № 10; Там же, 1 февраля, № 10.

⁸⁰⁷ Одесский вестник. – 1833, 11 января, № 3.

- 808 Записки Одесского общества истории и древностей. Т. III. – Одесса, 1853, с. 593.
- 809 ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 258, л. 211.
- 810 Там же, ф. 59, оп. 1, д. 20, № 27.
- 811 Там же, ф. 2, оп. 5, д. 277, л. 375-376.
- 812 Там же, ф. 4, оп. 1А, д. 215, 3-я и 4-я часть, № 98.
- 813 Список домам и прочим строениям, состоящим в 3-й части Одессы, оцененным для платежа полупроцентного сбора с 1848 года, подлежащим и не подлежащим оценке. – Б. м., б. г., с. 32.
- 814 ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 277, л. 635.
- 815 Там же, ф. 59, оп. 1, д. 183. – 34 л.
- 816 Там же, ф. 4, оп. 1А, д. 215, № 7.
- 817 Там же, ф. 37, оп. 4, д. 16, л. 35.
- 818 Там же, ф. 4, оп. 1А, д. 215, 3-я и 4-я часть, № 65.
- 819 Одесский вестник. – 1829, 16 (28) февраля, № 14; Там же, 1830, 5 апреля, № 28, 11 июня, № 47 и др.; Там же, 1831, 10 июня, № 46.
- 820 Б.М. Маркевич. ПСС. Т. XI. – СПб., 1885, с. 370.
- 821 ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 273, л. 306; Там же, ф. 4, оп. 1А, д. 213. – 69 л.; Там же, ф. 59, оп. 1, д. 49. – 12 л.; Там же, д. 92. – 12 л.; Там же, д. 101. – 61 л.; Там же, д. 138. – 25 л., и др.
- 822 Там же, ф. 2, оп. 5, д. 275, л. 33, 61.
- 823 Москвитянин. – 1854, № 9. Смесь. С. 10.
- 824 Из записной книжки. – П.И. Бартевев. Пушкин: сборник. Вып. II. – М., 1885, с. 95.
- 825 Остафьевский архив князей Вяземских. Т. V. Вып. 2. – Письма В.Ф. Вяземской П.А. Вяземскому от 7 июля и 4 августа.
- 826 ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 11. – 71 л.
- 827 Там же, л. 1.
- 828 Там же, л. 23, 24, 25.
- 829 Там же, л. 28-29.
- 830 Там же, л. 41-42.
- 831 Список домам и прочим строениям в 1-й части города Одессы, оцененным для платежа полупроцентного сбора с 1848 года, подлежащим и не подлежащим оценке. – Б. м., б. г., с. 5.
- 832 Список домам и прочим строениям, состоящим в первой части города Одессы, оцененным для платежа полупроцентного сбора с 1855 года, подлежащим и не подлежащим оценке. – Б. м., б. г., № 138 и № 139.
- 833 Олег Губарь. История градостроительства Одессы и функции Одесского строительного комитета. – Одесса, 2015, с. 228, 229.
- 834 ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 11, л. 2, 3, 7.

- 835 Там же, л. 10, 26.
- 836 Там же, ф. 2, оп. 5, д. 266, л. 251-252.
- 837 Олег Губарь. История градостроительства Одессы и функции Одесского строительного комитета. – Одесса, 2015, с. 248, 284, 298.
- 838 ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 11, л. 13.
- 839 Там же, л. 11, 12.
- 840 Там же, ф. 2, оп. 5, д. 286, л. 535-536.
- 841 Там же, ф. 59, оп. 1, д. 11, л. 30-31.
- 842 Там же, л. 41-42, 45, 70 и др.
- 843 Там же, ф. 4, оп. 1А, д. 215. – № 118 и 119.
- 844 В.А. Чарнецкий. Древних стен негласное звучанье. – Одесса: Друк, 2001, с. 29.
- 845 Записки Одесского общества истории и древностей. Т. III. – Одесса, 1853, с. 591.
- 846 ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 93. – 59 л.
- 847 Там же, ф. 2, оп. 5, д. 269, л. 281-282, 297-298, 473-474.
- 848 В.А. Чарнецкий. Древних стен негласное звучанье. – Одесса: Друк, 2001, с. 29.
- 849 Там же, с. 28.
- 850 Греки Одессы. – Труды Государственного архива Одесской области. Т. XXXVIII. – Одесса, 2014, с. 396-397.
- 851 Там же.
- 852 ГАОО, ф. 4, оп. 1А, д. 215, ч. I, № 90.
- 853 Там же, ф. 4, оп. 8, д. 942, л. 28 об., № 63.
- 854 Греки Одессы. – Труды Государственного архива Одесской области. Т. XXXVIII. – Одесса, 2014, с. 396-397.
- 855 ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 20, л. 163-173, № 19.
- 856 Там же, ф. 4, оп. 1А, д. 215, ч. I, № 89.
- 857 Там же, № 90.
- 858 Там же, ф. 2, оп. 5, д. 8, л. 9.
- 859 Там же, ф. 59, оп. 1, д. 1065. – 13 л.
- 860 Там же, ф. 59, оп. 1, д. 186, л. 629.
- 861 Там же, ф. 59, оп. 2, д. 1525. – 3 л.
- 862 Новороссийские календари на 1837, 1838, 1839, 1840 гг.
- 863 То же, 1841, 1841, 1843, 1844 гг.
- 864 Одесский Вестник. – 1868, № 86.
- 865 Там же, 14 декабря, № 275.
- 866 См. акцизные дела: ГАОО, ф. 4, оп. 1А, д. 9. – 280 л.; Там же, д. 132. – 193 л.; Там же, д. 243. – 27 л.; Там же, д. 280. – 54 л.; Там же, д. 180. – 37 л. и др.

- 867 Одесский вестник. – 1843, № 14; Там же, 1845, № 5.
- 868 Одесский вестник. – 1855, № 84; Там же, 1856, № 16; Там же. Прибавление к № 125.
- 869 Новороссийский календарь на 1837 год, с. 158.
- 870 То же на 1857 год, с. 378.
- 871 Путеводитель по г. Одессе. – Одесса, 1867, с. 87.
- 872 Новороссийский календарь на 1837 год, с. 158.
- 873 Новороссийский календарь на 1865 год, с. 117; Путеводитель по г. Одессе. – Одесса, 1867, с. 96.
- 874 Новороссийский календарь на 1851 год, с. 332.

